

нительно.⁵ Несмотря на то что они представляют интересное литературное явление, их изучение по существу только лишь начинается. Долгое время эти памятники не были предметом специального филологического анализа, дело в основном ограничивалось публикацией отдельных текстов,⁶ поисками новых списков «азбук», а также установлением их роли в обучении грамоте.⁷ Высказывавшиеся иногда при этом суждения о времени и месте возникновения, о литературной судьбе, об отношениях акростихов друг к другу основывались нередко на первых, а потому в большинстве своем случайных и поверхностных впечатлениях. В силу сказанного попытка рассмотреть, а тем более решить весь комплекс проблем, связанных с выяснением значения стихотворения епископа Константина в славянской письменности, в частности в становлении и развитии жанра «толковых азбук», была бы пока преждевременной. Исследователю, обращаясь к этой теме, по необходимости приходится быть очень осторожным: его выводы и заключения неизбежно будут носить предварительный, в значительной мере гипотетический характер.

Был ли «Пролог о Христе» первым славянским азбучным акростихом? Учитывая крайне неудовлетворительную сохранность книжного наследия славян, на этот вопрос, разумеется, нельзя ответить безусловно утвердительно. Вместе с тем мы не можем поддержать и гипотезу Ф. В. Мареша, прямо ставящую под сомнение приоритет Константина Преславского в утверждении этой литературной формы в славянской письменности. Предпринятые Марешем усилия связать с именем Кирилла Философа известную «азбуку» «Аз есмь всему миру свет»⁸ не могут быть признаны успешными. В первую очередь не следует, на наш взгляд, проходить мимо того обстоятельства, что ни один из источников по истории солунских братьев, в том числе их пространные жития, не содержит даже глухого намека на что-либо подобное составлению Константином-Кириллом азбучного акростиха. А между тем этот замечательный факт, имея он место на самом деле, вряд ли выпал бы из поля зрения славянских книжников, прежде всего биографов просветителей славян и черноризца Храбра.⁹

Утверждая мысль о раннем происхождении «азбуки» «Аз есмь всему миру свет», Ф. В. Мареш полагает, что стихотворение «было предназначено для глаголической азбуки», и особо подчеркивает, что в нем «все слабые глухие имеют право слога».¹⁰ Однако как глаголица, так и редуцированные в качестве слогаобразующих употреблялись не только в IX в., когда жил и работал предполагаемый Марешем автор акростиха, но и позже. С другой стороны, вызывает сомнения и ориентированность стихотворения (по меньшей мере в том виде, в котором оно дошло до нас)

⁵ А. И. Соболевский (Материалы и исследования... стр. 4) насчитывал их до 20. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 10—14.

⁶ Подробные сведения об изданиях приведены в статье Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» (ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 27—28, прим. 2).

⁷ В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI в.). — Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. 4, Л., 1958, стр. 239—254.

⁸ F. V. Mareš. Azbučna báseň z rukopisu státní veřejné knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningradě (Sign. Q.I.1202). — Slovo, Zagreb, 1964, № 14, str. 5—24.

⁹ Примечательно, что один из поздних редакторов «Сказания» Храбра счел необходимым дополнить сообщение об «устроении» славянского алфавита акростихом «Аз есмь бог». См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 303—305.

¹⁰ F. V. Mareš. Azbučna báseň... str. 24.